

A man with curly hair, wearing a blue jacket over a light-colored shirt and dark pants, stands in the center of a room. The room is a study or office with large windows showing a city street. The windows have decorative stained glass elements. There are wooden desks with lamps on either side of the man. The floor is covered with a green patterned carpet.

Петр Сойфер

Венский ДОЖДЬ

18+

Петр Сойфер
Венский дождь

«Автор»

2026

Сойфер П.

Венский дождь / П. Сойфер — «Автор», 2026

Семеро пациентов. Семь городов. Одна частная клиника в Вене, где опытный психиатр доктор Томас Фогель применяет экспериментальный метод — сочетание кетамина и виртуальной реальности. Финский архитектор, утративший способность чувствовать. Португальский реставратор, застывший в чужой вине. Французский рабочий, потерявший смысл вместе с заводом. Немецкая аспирантка, замурованная в ритуалах порядка. Итальянский судья, которого охраняют от мафии, но не от себя. Венгерская инфлюенсерка, не знающая своего лица без фильтра. И сам доктор Фогель — сапожник без сапог. Протокол даёт каждому чертёж нового дома. Но строить его — кирпич за кирпичем, в негарантированной реальности — каждому придётся самому. «Венский дождь» — книга о мужестве быть живым в эпоху цифровых анестетиков. Доктор Пётр Сойфер — психиатр, психотерапевт, автор более тридцати книг.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Венский дождь

Доктор Пётр Сойфер
ВЕНСКИЙ ДОЖДЬ

Сборник повестей

«Кто смотрит наружу — видит сны. Кто смотрит внутрь — пробуждается.»

— Карл Густав Юнг

Но большинство предпочитают спать.

ПРОЛОГ

На тридцатой минуте сессии в левом углу монитора всегда загорается зелёный маркер. Он означает, что фаза диссоциации достигла плато. Инфузионный насос Braun работает почти бесшумно, лишь каждые сорок секунд раздаётся едва слышный щелчок — поршень подаёт очередные ноль целых две десятых миллиграмма раствора.

Доктор Томас Фогель не любил смотреть на монитор, хотя тот стоил как хорошая двухкомнатная квартира в Фаворитене. На экране, разделённом на четыре сектора, пульсировали графики: сатурация, частота сердечных сокращений, трекинг движения зрачков под пластиковой маской шлема и, наконец, четвёртый квадрат — цифровая проекция того, что видел пациент. Сейчас там медленно вращалась идеальная неоновая сфера, распадающаяся на фрактальные нити. Сгенерированный алгоритмом покой.

Фогель перевёл взгляд на самого пациента. Тот лежал неподвижно, закинув голову на кожаный подголовник терапевтического кресла. Пальцы левой руки чуть заметно перебирали воздух, словно человек пытался нащупать текстуру несуществующей ткани.

В медицинских картах, которые Фогель заполнял последние три года, всё выглядело безупречно. Графики депрессивных индексов ползли вниз, страховые компании — те немногие, что работали с частным сектором верхнего сегмента, — запрашивали статистику, а медицинский совет Вены регулярно продлевал лицензию клиники в Клостернойбурге. Двенадцать тысяч евро за курс из шести сессий казались инвесторам вполне обоснованной ценой за то, чтобы вернуть топ-менеджеру из Франкфурта или юристу из Брюсселя способность спать без снотворных.

Фогель взял со стола перьевую ручку, покрутил её в пальцах и положил обратно. Метод работал. Но каждую пятницу, провожая очередного пациента до дверей такси, Фогель ловил себя на одном и том же ощущении. Аппаратура могла на час отключить фоновый режим сознания, могла вырастить новые синапсы в префронтальной коре и показать человеку космос. Но аппаратура не умела выходить вместе с ним на венский дождь. Шлем снимался, кетамин выводился почками через три часа, и человек оставался один на один со своим старым пальто, своими невысказанными обидами и необходимостью как-то прожить следующий вторник.

Венский протокол давал человеку чертёж его нового дома. Но строить его — вручную, на ветру, без виртуальных подсказок — пациенту всё равно приходилось самому.

ГЛАВА 1. ЛЁД ПОД ХЕЛЬСИНКИ

Такси из аэропорта Швехат долго петляло по узким дорогам среди виноградников, пока наконец не затормозило перед невысокими коваными воротами. Лукас расплатился, вышел на хрустящий гравий и остановился.

Здание клиники — старая вилла конца девятнадцатого века с высокими окнами — тонуло в тумане, пришедшем со стороны Дуная. От холмов Венского Леса пахло прелой листвой и сыростью. Здесь было слишком тихо после Хельсинки, где последние полгода Лукаса преследовал непрерывный фоновый гул: шум вентиляторов в серверной, писк уведомлений в Slack и сухой стук пальцев по клавиатуре.

В кабинете доктора Фогеля пахло хорошим кофе и кожей. Процедура отбора, длившаяся до этого два месяца через видеосессии и бесконечные анкеты, здесь завершилась за полчаса. Лукас молча подписал согласие на терапию, подтверждение того, что он ознакомлен с побочными эффектами диссоциативов, и квитанцию, сумма в которой равнялась стоимости половины его автомобиля. Страховка, разумеется, прислала стандартный отказ ещё три недели назад — «экспериментальное лечение состояний, не угрожающих жизни напрямую».

— Вы готовы, Лукас? — тихо спросил Фогель, настраивая ремни шлема.

Лукас кивнул. У него не было страха. Собственно, у него вообще ничего не было внутри — только ровное, серое онемение, которое финские врачи называли алекситимией, а сам он про себя называл «режимом ожидания». Он не чувствовал ни грусти, ни радости, ни тепла. Мозг работал исправно — проекты выходили один за другим, точные и холодные, — но сам Лукас чувствовал себя как выключенный терминал.

На руке закрепили манжету тонометра. В вену на правом предплечье мягко вошла игла-бабочка.

— Среда «Арктика», — произнёс Фогель куда-то в сторону. — Начали.

* * *

Сначала исчезло тело.

Не постепенно — сразу, как выдернутый штекер. Вес ушёл из пальцев, плечи растворились, и кожа перестала различать прохладу кожаной обивки. Осталось только зрение — чистое, лишённое рамки, без периферии.

Лукас стоял на льду.

Он понял это не ногами — ног не было — а каким-то новым, безымянным чувством, которое просто знало: внизу лёд, сверху кобальт, и между ними — он. Поверхность под ним была абсолютно прозрачной. Настолько, что смотреть вниз было всё равно что смотреть в воду без дна. Там, в глубине, в синеве, густеющей до черноты, плавали его проекты. Он узнал их сразу — геометрические каркасы умных городов, сетки алгоритмов, схемы интерфейсов. Всё то, чем была заполнена его голова последние пять лет. Они висели в толще льда неподвижно, идеально сохранённые, как насекомые в янтаре. Правильные. Точные. И абсолютно, окончательно мёртвые.

Где-то снизу раздался звук.

Не звук — скорее его физический эквивалент: вибрация, поднявшаяся снизу и прошедшая сквозь то место, где раньше было его тело. Низкая, протяжная, на одной ноте. Лёд под ним начал светлеть — не белеть, а именно светлеть, как будто что-то там, в темноте, медленно поднималось к поверхности.

Лукас посмотрел вниз.

И увидел себя.

Он лежал на дне — в метре под поверхностью, в полной тишине. В том же сером пальто, в котором приехал из аэропорта. Глаза закрыты. Руки сложены вдоль тела с аккуратностью человека, который даже во сне не позволяет себе лишнего движения. Лицо совершенно спокойное. Лицо человека, которому незачем просыпаться.

Лукас — тот, что стоял сверху, — опустился на колени.

Лёд был гладким и холодным — он почувствовал это ладонями, хотя ладоней не было. Он смотрел на себя снизу и ждал. Ждал, что тот, нижний, пошевелится. Откроет глаза. Что-нибудь почувствует.

Ничего.

Нижний Лукас лежал абсолютно неподвижно. Не мёртвый — просто отсутствующий. Внутри этого тела никого не было. Оно работало — грудь медленно поднималась и опускалась, пальцы чуть заметно подрагивали — но внутри была только тишина, чистая и ровная, как незаполненная таблица.

Лукас сверху приложил ладонь к поверхности льда.

Тот, внизу, не отреагировал.

Он начал бить по льду — сначала ладонью, потом кулаком, потом обоими кулаками сразу, не чувствуя боли, потому что боли не было, а была только нарастающая, тупая паника от того, что там, внутри него самого, внутри этого аккуратного сложенного тела — пусто. Абсолютно пусто. Он кричал — беззвучно, потому что звука тоже не было — и лёд не трескался, и нижний Лукас не просыпался, и вибрация снизу становилась всё громче, всё настойчивее, и наконец —

Лёд лопнул.

Не взрывом. Одной длинной трещиной — от края до края, прямо под его ладонями. Тонкой, как волос. Из неё не хлынула вода. Из неё поднялся воздух — тёплый, застоявшийся, с запахом остывшего кофе и мокрой шерсти пальто.

Запах той ночи.

Запах Минны у двери с чемоданом на шнурке.

Нижний Лукас открыл глаза.

В них не было ничего — ни радости, ни боли, ни облегчения. Только первый, медленный, мучительный вдох человека, который только что вспомнил, что умеет дышать.

* * *

Фогель аккуратно снял шлем.

Лукас лежал, не двигаясь. Лицо мокрое. Он не вытирал слёзы — просто не замечал их, как не замечают дождь, когда смотрят на что-то важное.

— Лёд разбился? — тихо спросил Фогель.

— Нет, — сказал Лукас. Голос сипел. — Он треснул. Это не одно и то же.

Фогель сделал пометку в блокноте и больше ничего не сказал.

* * *

Через час Лукас сидел в такси.

Водитель молчал. За окном тянулись мокрые виноградники, потом промзона, потом кольцевая. Дождь начался сразу за воротами клиники — мелкий, ровный, без намерения оставиваться. Лукас смотрел на капли, ползущие по стеклу, и не думал ни о чём. Впервые за очень долгое время в его голове не было открытых вкладок.

В аэропорту он купил кофе, которого не хотел, и сел у окна, глядя на мокрый бетон лётного поля. Самолёт задерживался на сорок минут. Раньше сорок минут в аэропорту были потерянным временем — он бы открыл ноутбук, разметил задачи, ответил на письма. Сейчас он просто держал стакан двумя руками и смотрел, как за стеклом медленно разворачивается хвостом к терминалу какой-то региональный борт.

Телефон лежал в кармане и не вибрировал.

В какой-то момент он достал его. Открыл контакты. Нашёл имя — Минна — и долго смотрел на него, не нажимая ничего. Потом убрал телефон обратно.

Не сейчас. Но уже не никогда.

Когда объявили посадку, Лукас встал, выбросил почти нетронутый кофе и застегнул пальто. За панорамным стеклом Вена уходила в низкие облака — шпили, черепица, дождь над Дунаем. Город, который ничего ему не должен и которому он ничего не должен. Просто место, где лёд треснул.

Он шёл к выходу на посадку, и где-то под рёбрами — там, где вчера было только ровное серое онемение — что-то едва слышно болело. Тупо, настойчиво, как отходящая анестезия.

Лукас не стал её заглушать.

ГЛАВА 2. ПЕПЕЛ ЛИССАБОНА

Алфاما просыпается в шесть утра — сначала голуби на черепице, потом далёкий гудок парома на Тежу, потом запах свежего хлеба из пекарни на углу Руа-да-Эштрела. Инеш просыпалась раньше всего этого. Она лежала в темноте и слушала, как квартира дышит тишиной. Не пустой тишиной — тишиной, в которой всё ещё угадывалось чьё-то присутствие. Скрип половицы у закрытой двери. Запах чужих духов, которого давно не было, но который она продолжала чувствовать — или придумывала, что чувствует.

Дверь комнаты Леоноры она не открывала пять лет.

Не из страха. Из точности. Там всё стояло на своих местах — флаконы на подоконнике, стопка журналов о садоводстве на полу у кровати, журнал свадебных мод с загнутыми страницами на столе. Инеш знала это, потому что видела в последний раз пять лет назад, в то утро, когда Леонора уехала за образцами ткани для платья и позвонила ей по дороге.

Они спорили об отце.

Не кричали — в их семье никогда не кричали. Просто Леонора тихо и упрямо говорила, что он имеет право присутствовать на её свадьбе, что она давно всё обдумала, что это её день и её решение. А Инеш так же тихо и так же упрямо говорила, что человек, бросивший двух маленьких девочек ради другой женщины, не заслуживает права стоять рядом в самый важный момент. Что это предательство не имеет срока давности.

— Инеш, — сказала Леонора, — ты иногда такая жёсткая.

Это были последние слова.

Через сорок секунд — Инеш потом высчитала это, снова и снова, как уравнение без решения — со стороны Руа-ду-Капелан раздался звук. Не взрыв. Просто короткий, тупой удар металла о металл, и потом тишина, длившаяся ровно столько, сколько нужно, чтобы мозг понял: что-то произошло.

Она вышла на балкон. Увидела дым за крышами.

Телефон в руке всё ещё был тёплым от разговора.

* * *

Работа спасала её — или делала вид, что спасает. Каждое утро Инеш шла в мастерскую в подвале старого дома на Руа-де-Санта-Марта, где на длинных деревянных столах лежали фрагменты азулежу — синие, белые, расколотые временем и небрежностью. Её работа состояла в том, чтобы находить утраченные куски, воссоздавать их вручную, возвращать панно целостность. Она делала это хорошо. Лучше всех в Лиссабоне, говорили коллеги. Её руки знали, как собрать разбитое.

Только домой она возвращалась другой дорогой. Каждый день — в обход, через длинный подъём по Руа-да-Граса, лишние двадцать минут в гору, лишь бы не проходить мимо угла Руа-ду-Капелан. Там до сих пор была выбоина в асфальте. Муниципалитет заделал её через год, но Инеш всё равно видела её — точно знала, где она была.

В терапию она ходила три года. Разные терапевты, разные методы, одинаковый результат. Они все умели сочувствовать. Никто не умел помочь ей выйти из той сорокасекундной паузы между последним словом сестры и звуком удара.

Направление в венскую клинику дал ей коллега — португалец, работавший в Брюсселе, лечившийся там сам. Он прислал ссылку без комментариев. Инеш смотрела на неё три недели, потом заполнила анкету в два часа ночи, когда не смогла больше лежать и слушать, как квартира дышит чужой тишиной.

* * *

Фогель встретил её в дверях кабинета — невысокий, в очках с тонкой оправой, с той особой венской учтивостью без улыбки. Он провёл её к креслу, дал время осмотреться. Каби-

нет был светлым, без лишних предметов. На подоконнике стоял маленький горшок с геранью — единственное живое пятно в комнате.

— Расскажите мне о сестре, — сказал он просто, без предисловий.

Инеш посмотрела на герань.

— Она любила садоводство, — сказала она. — У неё был балкон, заставленный горшками. Она хотела после свадьбы переехать в дом с садом.

Фогель кивнул и записал что-то в блокнот.

— А вы? — спросил он. — Что любите вы?

Инеш открыла рот и закрыла его. Она не помнила.

* * *

Шлем оказался легче, чем она ожидала. Инеш закрыла глаза ещё до того, как Фогель закрепил ремни — старая привычка не смотреть на то, что причиняет боль.

— Среда «Собор», — произнёс Фогель. — Начали.

Сначала исчезли руки.

Не онемели — именно исчезли, как исчезает слово, которое знал секунду назад. Инеш попыталась пошевелить пальцами и обнаружила, что понятие «пальцы» больше не имеет смысла. Потом ушли плечи, потом всё тело разом — не болезненно, а с облегчением, как сбрасывают тяжёлое пальто в прихожей. Осталось только то, что она не умела назвать — присутствие без веса, внимание без оболочки.

Темнота за веками стала объёмной.

Инеш открыла глаза.

Она стояла в нефе огромного собора — не португальского, не венского, никакого конкретного, собранного из всех соборов сразу, виденных в жизни. Свод уходил вверх на головокружительную высоту, растворяясь в полумраке. Воздух был холодным и пах старым камнем и чем-то ещё — знакомым, почти домашним. Она узнала этот запах через секунду: керамическая пыль. Запах мастерской.

Стены были покрыты азулежу.

Тысячи плиток — синих, белых, в сложных узорах. Она узнавала их — фрагменты панно, реставрированных в разные годы. Морские сражения, пастухи на холмах, корабли в открытом море, охотники в лесу. Вся её работа, всё собранное по осколку, было здесь — целым и живым, уложенным в стены несуществующего собора.

В дальнем конце нефа, там где должен был быть алтарь, было лицо Леоноры.

В полный рост. Синей смальтой на белом фоне. Молодое — такое, каким Инеш помнила его до. Смеющееся — не насмешливо, просто смеющееся, как смеялось всегда, легко и без повода. Инеш смотрела на него и не двигалась. Пять лет она видела это лицо только на фотографиях, где оно было плоским и мёртвым. Здесь оно было живым — не по-настоящему живым, но живым так, как бывают живыми вещи во сне, когда знаешь, что это сон, и всё равно веришь.

Стены начали осыпаться.

Сначала одна плитка — звонкий удар об каменный пол, осколки в разные стороны. Потом другая. Потом целый фрагмент — морской корабль рассыпался на сотню кусков, раскатившихся по полу с тонким стеклянным звоном, и эхо долго не могло затихнуть в высоком своде. Инеш сделала шаг вперёд — к лицу Леоноры — и почувствовала, как азулежу трескается под ногами. Каждый её шаг разбивал что-то невозстановимое.

Она остановилась.

Руки сами собой потянулись вперёд. Профессиональный рефлекс — пять лет работы, пять лет собирания разбитого. Поймать. Не дать упасть. Первый осколок ударил в ладони и рассыпался в пыль — слишком мелкий, слишком острый. Второй она успела подхватить — треугольник синей смальты с фрагментом чьей-то руки на нём — и крепко сжала в кулаке.

Третий, четвёртый, пятый — она ловила их, не успевала, теряла, подбирала с пола, и осколки резали ладони, острые, настоящие, и она чувствовала боль, хотя знала, что ладоней нет.

Лицо Леоноры в глубине нефа оставалось целым.

Инеш шла к нему — медленно, по хрустящим обломкам, с полными руками осколков, не складывавшихся ни во что целое. Стены осыпались быстрее. Пастухи исчезли. Охотники рассыпались. И тогда она увидела — в глубине нефа, за лицом Леоноры, проступало ещё одно панно, прежде не замеченное. Маленькое, в простой раме. Две девочки на холме над рекой — одна постарше, одна помладше. Инеш узнала холм. Это была Алфама. Это были они.

Осколки в её ладонях были тяжёлыми.

— Инеш, — раздался голос Фогеля — далёкий, почти нездешний. — Что происходит с вашими руками?

— Я держу, — сказала она. — Я держу осколки.

— Зачем?

Она остановилась.

Вопрос был простым. Ответа не было. Она держала осколки потому что так делала всегда. Потому что её работа — собирать разбитое. Потому что если она отпустит — они упадут и разобьются ещё мельче, и тогда уже ничего нельзя будет вернуть. Потому что пока она держит — она нужна. Пока она держит — Леонора ещё немного здесь.

Лицо сестры смотрело на неё из глубины собора. Смеялось. И Инеш вдруг увидела то, чего не замечала: оно не держалось ни на чём. Никакого раствора, никакой опоры — просто висело в воздухе, целое, не нуждавшееся ни в чьей помощи. Не в реставрации. Не в защите. Не в том, чтобы его держали.

Осколки в ладонях жгли как угли.

Инеш разжала руки.

Они упали все сразу — долгий стеклянный звон, осколки по каменному полу во все стороны. Она ждала худшего. Что собор рухнет. Что лицо Леоноры исчезнет. Что останется только пустой неф и острая крошка под ногами.

Ничего не рухнуло.

Лицо Леоноры висело в воздухе — целое, синее, смеющееся. Собор вокруг него продолжал осыпаться — медленно, почти мирно, как осенние листья с дерева, больше не держащегося за них. И в этом осыпании не было катастрофы. Только усталость старых стен, которым наконец разрешили отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.